

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Эрих Мюзам
Кризис большевизма
1928

Скопировано 12.01.2024 с

<https://liberadio.noblogs.org/?p=3029>

Перевод с немецкого. Из: Fanal, Nr. 5, февраль 1928 г.

[https://www.anarchismus.at/anarchistische-klassiker/aus-fanal/
7615-erich-muehsam-die-krise-des-bolschewismus](https://www.anarchismus.at/anarchistische-klassiker/aus-fanal/7615-erich-muehsam-die-krise-des-bolschewismus)

ru.anarchistlibraries.net

Кризис большевизма

Эрих Мюзам

1928

«Мы пользуемся этой возможностью, чтобы отдать дань уважения знаменитым лидерам Германской коммунистической партии, прежде всего Марксу и Энгельсу, а также гражданину Ф. Беккеру, нашему бывшему другу и нынешнему непримиримому противнику, которые были истинными создателями Интернационала, в той мере, в какой отдельным людям дано создавать что-либо. Мы чтим их тем более, что вскоре нам придётся с ними бороться. Наше уважение к ним чисто и глубоко, но оно не доходит до идолопоклонства и никогда не приведёт нас к роли рабов по отношению к ним. И хотя мы отдадим полную справедливость тем огромным заслугам, которые они оказали и продолжают оказывать Интернационалу, мы будем до смерти бороться с их ложными авторитарными теориями, их диктаторскими притязаниями и теми подземными интригами, тщетными махинациями, жалкими личностями, нечистыми оскорблениями и позорной клеветой, которые характеризуют политическую борьбу почти всех немцев и которые, к сожалению, втянули их в Интернационал».

Михаил Бакунин написал эти фразы в 1871 году, когда уже не было сомнений в намерении Маркса, Энгельса и Беккера расколоть Интернационал, исключив из него бакунистов. Франц Меринг, из чьей биографии Маркса я привожу эту цитату, комментирует: «Это, конечно, было достаточно грубо, но Бакунин никогда не позволял себе увлекаться отрицанием бессмертных заслуг, которые Маркс приобрёл как основатель и лидер Интернационала».

В своей важной работе «Анархизм от Прудона до Кропоткина» (в издательстве «Der Syndikalist», Берлин, 1927 г.) Макс Неттлау привёл документальные свидетельства того, что Маркс «и пальцем не пошевелил, чтобы внести свой вклад в основание Интернационала». Знал ли Бакунин об этой негативной роли своего оппонента в революционном рабочем движении, вряд ли можно предположить. Но даже если бы он сам знал, насколько энергичнее и плодотворнее его собственная деятельность и деятельность его друзей способствовала созданию первой Международной рабочей ассоциации, чем деятельность коммунистов-государственников, то он испытывал достаточно товарищеской справедливости к авторам «Коммунистического манифеста» и особенно к Карлу Марксу, чьим анализом капиталистической экономической системы он с благодарностью восхищался, и, независимо от этого, достаточно потребности в чистоте, чтобы не пользоваться отвратительными методами клеветы, используемые против него марксистами, даже в свою защиту. Меринг признает это, когда говорит: «Бакунин ни на минуту не отрицал глубокого антагонизма, который отделял его от Маркса и его “государственного коммунизма”, и он не относился к своему противнику мягко. Но он, по крайней мере, не изображал его никчёмным субъектом, у которого на уме только его собственные предосудительные цели».

мент нельзя считать, что ни одна из оппозиционных групп не стремится к чему-то другому, кроме как завладеть аппаратом и позволить другим барахтаться в нем. Достаточно познакомиться с секциями Коммунистического Интернационала за границей, чтобы понять, как легко духовенство может приспособить свои убеждения к высшим желаниям дня при каждом избрании нового Папы. Мы уже сталкивались с поразительными вещами в немецкой партии в этом отношении.

Как спрашивается, поступила бы Коммунистическая партия с членом, который мог бы сегодня высказать следующее мнение: «С первого момента победы недоверие массы рабочих должно быть направлено уже не против побеждённой реакционной партии, а против их бывших союзников, против партии, которая хочет единолично использовать общую победу?» – Человека с такими извращёнными взглядами, вероятно, изгнали бы и записали в ренегаты. Кстати, это высказывание тоже старое. Оно было написано в марте 1850-го года Карлом Марксом, тем самым Карлом Марксом, из «Коммунистического манифеста» которого у каждого члена немецкой компартии в членской книжке напечатаны слова: «Коммунисты не устанавливают никаких определённых принципов, в соответствии с которыми они хотели бы моделировать пролетарское движение».

Не смейтесь, товарищи — время плакать.

даться всякой дрянью, а фотографии мужчин, которые уже десять лет висят на стене, где рядом с домашним алтарём сияло изображение царя, им приходится срывать, если им не хочется, чтобы их самих заподозрили в предательстве и ренегатстве. Один за другим нимбы были утрачены. Теперь только трое мужчин стоят в первом ряду, видимые всем как лидеры, которым поклоняются их последователи. Не вяжутся ли и они в драку? Не будут ли они хаять друг друга как негодяев, которые никогда не думали о пролетариате, а только о себе, подобно Троцкому? Или плохо пахнувших, как Радек? Или лакеев буржуазии и пособников Англии, как Смирнов? Вера в авторитеты мертва! Это сделали самые авторитарные правители в истории.

Поставим ли мы теперь рядом все «платформы», с помощью которых каждая большевистская группа пытается доказать, цитируя Маркса и Ленина, что она представляет истинные «тезисы»? Я хотел бы видеть партийного коммуниста, который мог бы объяснить все теоретические тонкости, которыми представители различных ленинизмов отсекают революционную честь друг друга и которыми они отличаются друг от друга. Но это не тактические и не политические вопросы. Весь спор сводится исключительно к дисциплине! То, что большинство, вернее, тот аппарат, которым это большинство руководит, объявляет правильным, хорошим и большевистским, то и есть правильное, хорошее и большевистское. Новая мысль, брошенная в автоматически работающую систему, может привести к новым соображениям, к новым решениям. Никакая бюрократия этого не потерпит. Но большевистские группы, теперь, когда они сами попали в колеса бюрократического механизма, понимают опасность этого механизма, и когда им самим позволили завести часовой механизм, они сделали против анархистов и левых оппозиционеров ровно то же самое, что происходит с ними сейчас. На данный мо-

Несомненно: с точки зрения подлинных большевиков, преемников Маркса и Энгельса, Маркс, преследовавший своего противника самыми гнусными личными оскорблениями и клеветой, действовал «по-ленински», тогда как Бакунин, презиравший эти средства, действовал «не по-ленински». По крайней мере, Ленин – которого можно использовать таким образом за и против всего – может быть прекрасно использован как теоретик унижения инакомыслящих, с обычной процедурой среди партийных коммунистов – трубить цитаты из своих умерших или ещё живых авторитетов как истины вечной евангельской ценности. В самом деле, Ленин, представ перед партийным трибуналом в 1907-м году, сделал следующее признание: «Что недопустимо между членами единой партии, то допустимо и обязательно между членами партии разделённой. Нельзя писать о товарищах по партии языком, возбуждающим в рабочих массах ненависть, отвращение, презрение и т. п. к тем, кто думает иначе. Но можно и нужно писать так, если это отдельная организация». «С точки зрения психики совершенно ясно, что разрыв всякой организационной связи между товарищами сам по себе является крайней степенью взаимного ожесточения и ненависти, переходящей во вражду». (Цитируется по библиографии Ernst Drahn «Marx, Engels, Lasalle», R. L. Prager, Berlin 1924).

И наконец, высказывание марксиста Меринга, которое именно в работе, с преданным почтением посвящённой памяти Карла Маркса, показывает его в резком контрасте со своими авторитетами в суждениях о формах, в которых Маркс и Энгельс вели борьбу с Бакуниным: «Но они только затушёвывали свою правоту, когда утверждали, что Интернационал погиб из-за махинаций одного демагога... Действительно, нужно согласиться с сегодняшними анархистами, когда они говорят, что нет ничего более немарксистского, чем идея о том, что необычайно злобный чело-

век, “опаснейший интриган”, мог разрушить такую пролетарскую организацию, как Интернационал, а не с теми верующими душами, которые содрогаются при любом сомнении, что Маркс и Энгельс всегда расставляли точки над *i*. Сами эти два человека, конечно, если бы они могли говорить сегодня, не испытывали бы ничего, кроме едкого презрения к утверждению, что беспощадная критика, которая всегда была их самым острым оружием, должна отступить перед ними самими». (Цит. по «Karl Marx, Geschichte seines Lebens», Leipzig, 1918).

Эти два человека больше не могут говорить, и поэтому благосклонное предположение Меринга остаётся неопровержимым, хотя оно кажется более чем сомнительным для немарксистских знатоков их поведения, если кто-то действительно осмелился критиковать их, и для наблюдателей за поведением их законных преемников. Однако вопрос, вокруг которого различные марксисты читают друг другу лекции на языке, «который вызывает ненависть, отвращение, презрение и т.д. у рабочих масс», – это вопрос о том, являются ли они «теми же самыми» марксистами. Вопрос о том, какое марксистское течение сам Маркс уполномочил бы называть всех других марксистов негодьями, контрреволюционерами, бандитами, доносчиками, предателями и слугами буржуазии, очень трудно разрешить, поскольку как практик он был, вероятно, первым сталинистом, а как теоретик – несомненно, каутскианцем.

Ещё сложнее ответить на вопрос, к какой группе ленинцев принадлежал бы Ленин, будь он жив. Каждый заявляет о нем, каждый цитирует его, и каждая цитата показывает его принадлежность к разным организациям; Ведь никому не нужно фальсифицировать его цитаты, в которых Рыков и Бухарин называют его сталинским кулацким вождём, Радек и Троцкий – разрушителем новых капиталистических привилегий, Фишелев и Зорин – освободителями из

мы имеем право заявить, что наша концепция революционной организации для строительства социализма ещё практически не опробована, благодаря вашей жестокой обструкции, но по этой причине она остаётся совершенно бескомпромиссной. Когда буржуи и меньшевики заявляют, что в России доказана неосуществимость социализма, мы говорим: в России опровергнут государственный централизм как механизм социалистического строительства. Опровергнута диктатура партии. Советская республика, построенная снизу вверх, как федералистский строй свободной инициативы творческих сил, не получила в России своего воплощения. Она будет организационной формой социализма.

То, что происходит в России в настоящее время, может в значительной степени способствовать осознанию кардинальной ошибки марксистов. После того как представители идеи свободных советов были полностью уничтожены, опошлены перед массами пролетариата и революционного крестьянства как контрреволюционеры, предатели, отступники и вырваны из сердец народа, за который они боролись, на сияющей высоте перед этими верными людьми стояла маленькая группа вождей, которые одни знали и направляли с непогрешимой мудростью и держали в руках бразды счастья целого. Это были вожди единственной марксистско-ленинской партии, каждый из которых сиял славой неизмеримых заслуг, непоколебимой ясности знаний, способностей, суждений и знаменосцев. Вера в святых православной церкви, неизменно укрепляемая долгими поколениями, была подорвана революцией, и так же глубоко проникла в их души вера в величие и некритическую мудрость большевистских вершителей судеб России, вознесённых на единый и могучий трон над массами. И вот случается так, что эти полубоги начинают драться между собой, обзывать друг друга нецензурными словами, ки-

В данном контексте мы не будем говорить о государственной политике большевиков, разбирать объективные или субъективные причины усиления кулачества вплоть до новой эксплуатации мелкого крестьянства, допущения нэпа и, соответственно, появления нового класса буржуазии, живущей в роскоши, реорганизации бывшей Красной армии в постоянную армию со всеобщей воинской повинностью, политики союза с капиталистическими державами и даже конфликтов между государством как работодателем и промышленными рабочими по поводу рабочего дня и сдельной зарплаты. Препирающиеся группы большевиков могут ломать голову над этими вопросами. Анархизм, представленный здесь, понимает все эти явления как естественные последствия централизованной, государственно-социалистической системы и на вопрос, который будоражит марксистские круги до саморазрушения, возможно ли построение социализма в отдельно взятой стране, может ответить только одно: конечно, не в государстве. Ибо государство – это институт экономически эксплуатирующей монополии, это политическое вместилище капитализма, оно не может быть ничем другим, никогда не может стать ничем другим и, даже если оно создаётся для других целей, всегда и только всегда должно наполнять себя элементами капиталистической эксплуатации. Если большевики отрицают, что Россия предоставляет доказательства этого, если они утверждают тысячу причин, что никакая другая администрация не могла бы предотвратить ущерб от российских условий, то ответ таков: почему вы не попытались? Почему вы не ввели в действие советскую конституцию? Почему вы лишили советы всей их власти? Если бы вы избежали ущерба, предсказанного Бакуниным и анархистами, навязав советской организации бюрократический государственный аппарат, вы имели бы право высмеивать незапятнанный «советизм». Но теперь

темниц ГПУ, Зиновьев и Каменев – раскаявшимся исповедником чужих убеждений, Сапронов и Раковский – попутчиками в Туркестан или полярную Сибирь. У нас нет оснований вмешиваться в эти споры. Ибо что бы сделала та или иная власть и что бы произошло, если бы влияние того или иного покойника ещё могло сказаться, – это не те проблемы, которые достойны революционной полемики. Ничто из того, что когда-либо было сказано и написано в определённых условиях и для определённых целей, не имеет непреходящей силы. Действительны только такие утверждения, которые относятся к неизменным характеристикам людей и условий. Если вы действительно хотите процитировать Ленина, возьмите фразу, которую я нашёл в «Платформе» сапроновской оппозиции «Перед термидором» и которую я вырвал из контекста партийной дискуссии и поместил в реальность жизни: «Тот, кто верит на слово, – безнадёжный идиот, от которого можно отделаться взмахом руки».

Для анархистов, этого нельзя сказать более ясно, нет никаких оснований принимать чью-либо сторону в борьбе, ведущейся в Российской коммунистической партии, а значит, и в Коммунистическом Интернационале, в пользу одного или против другого направления. Пусть нами движет уважительное сочувствие к храбрости одних деятелей, презрение к недостойному подхалимству и высокомерию других, возмущение демагогической беспринципностью господствующих бюрократов и тиранов, глубокая жалость к жертвам конфликта, о судьбе которых свидетельствует страшное прощальное письмо Йоффе, – мы должны оценивать происходящее не с точки зрения организационного эгоизма, а как весьма значительный симптом мировой истории: кризис большевизма – это кризис ложного социалистического принципа; это кризис авторитарного социализма, государственного социализма, централизма как

революционной формы организации, и, таким образом, ультимативное опровержение марксизма в революционной практике.

Краткая ретроспектива: В сентябре 1917-го года рабочие Петербурга самостоятельно и ни в коем случае не «под руководством» какой-либо партии поднимаются против контрреволюционного правления меньшевиков и мелкой буржуазии Керенского. Крестьянские восстания и фронтовые мятежи распространили пролетарскую революцию, лозунгом которой было «Вся власть Советам!», по всей стране. 7-го ноября советы провозглашают себя суверенными. В этой акции, первом организационно подготовленном акте новой революции, приняли участие анархисты, максималисты, левые социалисты-революционеры (народники), а также – под руководством Ленина и Троцкого – часть большевиков, против которой вступила в оппозицию другая часть – под руководством Зиновьева и Каменева. После победы объединённых, организованных и неорганизованных революционных рабочих большевистская партия воссоединилась. Из наиболее выдающихся деятелей различных формирований создаётся Совет народных депутатов, подчинённый свободно избранным Советам, состоящим из делегаций от пролетарских и крестьянских рабочих организаций. Совет возглавил самый популярный лидер большевиков Н. Ленин, отличавшийся особой решительностью и ясностью воли. Энергичными революционными декретами полностью ликвидируется власть имущий класс, выкорчёвывается капитализм, полностью разрушается старое государство и закладывается фундамент для строительства социалистического общества. Для решения самого сложного из всех вопросов – аграрного – была принята крестьянская программа, общая для народников и анархистов, «проглоченная целиком», по выражению Ленина.

За этим последовал германский ультиматум Брест-Литовска, который в корне разрушил единство революционеров. Вопреки мнению анархистов, точку зрения которых разделял Троцкий, Ленин добился принятия германских условий капитуляции. Здесь русская революция уходит от возможной до сих пор параллели с Парижской коммуной, которая заявила о необходимости продолжать войну как революционную борьбу; здесь же начинается параллель с Великой французской революцией. Большевизм решает взять на вооружение якобинские методы, первоначально бакунистская революция приобретает формы бланкизма, всевластие советов уступает место диктатуре одной партии. В вооружённой борьбе с анархистами (Москва, апрель 1918 года), сопровождавшейся бесчисленными расстрелами, арестами, депортациями, высылками и преследованиями сначала анархо-синдикалистов, затем левых эсеров и максималистов и, наконец, рабочей оппозиции из своих рядов (Мясников), было навязано всевластие партийного аппарата, главную роль в котором играл Троцкий. На Украине крестьяне под руководством Махно годами отчаянно отстаивали свою независимость на основе свободных советов, а в это время, даже в союзе с Троцким, боролись с белыми войсками Деникина, Врангеля и Петлюры. Последней попыткой спасти свободу советов было восстание матросов и рабочих в Кронштадте, которое Калинину, Зиновьеву и Троцкому удалось подавить в ужасно кровавой схватке. Между тем интервенция капиталистического интернационала была разгромлена общими усилиями революционных рабочих и крестьян всех направлений, которые охотно пошли в Красную Армию и с радостью доверились большевистскому руководству Троцкого, Буденного, Фрунзе и др. Началось укрепление Советской России как государства.